

Меры контрразведывательного реагирования в годы Первой мировой войны

Зверев Вадим Олегович

доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел, Омская академия МВД России. Россия, г. Омск. E-mail: zverevoma@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается комплекс мер контрразведывательного реагирования на проявления шпионажа (германский и австрийский шпионаж), которые предполагалось реализовать в армиях Северного фронта. Актуальность проведенного исследования заключается в том, что армейские органы контрразведки предприняли попытку выйти за рамки общепринятых представлений о контрразведывательном инструментарии (секретные сотрудники, филеры, «черные кабинеты») и противопоставить системе вражеского шпионажа оригинальные меры борьбы. В основу реконструируемых военно-исторических событий был положен обширный архивный материал, что указывает на научную новизну статьи. Ее цель – систематизировать и хронологизировать меры борьбы с агентурой противника, раскрыть их сущность и определить эффективность по обеспечению защиты интересов безопасности действующей армии. Предметом исследования выступают запланированные органами контрразведки армий Северного фронта контрмеры, а именно: проверка беженцев на причастность к государственной измене, предупреждение утечки военных сведений в Петрограде, секретная деятельность рижской телефонной станции, религиозное нравственно-патриотическое просвещение народных масс об опасности шпионажа, распространение сводок об иностранном шпионаже среди органов безопасности, принудительное выселение гражданского населения из прифронтовой полосы, контрдиверсионное информирование. Результатом исследования явилось определение степени эффективности мер контрразведывательного реагирования. Автор приходит к выводу о том, что большая их часть так и осталась на бумаге в силу малочисленности и профессионально-кадровой несостоятельности военной контрразведки, не сложившихся партнерских отношений между контрразведчиками и политической полицией, а также по причине падения авторитета главной спецслужбы России у ее армии, государственного аппарата и общества в 1917 г. По тем же причинам меры контрразведывательного реагирования возымели инициативный характер и реализовывались лишь в отдельно взятых армиях Северного фронта. Результаты исследования применимы при изучении истории специальных служб и органов внутренних дел Российской империи.

Ключевые слова: контрразведка, шпионаж, агенты, секретные сотрудники, русская армия.

«Главная же задача контрразведки – мешать тайной разведке противника».

Лекция П. Рябикова «Контр-разведка». 22 апреля 1917 г., старший курс Николаевской военной академии.

В минувшем 2024 г. в Российской Федерации отмечалась 110-я годовщина со дня начала самого масштабного и кровопролитного в военной истории вооруженного конфликта – Первой мировой войны. Ее историческое значение с точки зрения использования прогрессивных идей в области военной тактики и техники воюющих держав сложно переоценить. С началом серийного производства и поставки в вооруженные силы Германии и Российской империи дредноутов и подводных лодок, авиации и автомобилей, новейших гаубиц и пулеметов Максима боевые действия на Восточном фронте приобретали качественно иной характер. На более серьезные основания в сравнении с предшествующими войнами была поставлена и организация контрразведывательной деятельности по обеспечению безопасности действующих армий и, в частности, русской императорской армии.

За более чем четвертьвековой период своего существования российская историография военной контрразведки периода Первой мировой войны актуализировала комплекс научных проблем, а также перспективные направления исследовательской мысли и архивно-документального поиска. В результате чего в фокусе изучения специалистов оказались портреты руководителей европейских разведслужб и, прежде всего, германской – Вальтера Николаи [4; 5; 24]. Сквозь призму выделенных черт и качеств «короля шпионажа», а также созданной им

мировой архитектуры осведомления возник массовый научный интерес и к специальным ведомствам, отвечавшим за борьбу с его проявлениями в Российской империи. Это выразилось в поступательном воссоздании истории русской контрразведки, в том числе на театрах военных действий Восточного фронта. Свет увидели первые статьи [8], фундаментальные диссертации [9; 14] и монографические издания [10; 11; 12; 15], авторы которых рассматривали проблемы построения и нормативно-правовой регламентации деятельности царской контрразведки, межведомственного взаимодействия силовых структур, а также методы военно-полицейского розыска (секретные сотрудники, наружное (филерское) наблюдение, перлюстрация), адаптированные под тактику выявления агентов противника.

Представленный нами краткий историографический обзор, не вмещающий в себя объемный пласт статей и мемуарной литературы и, в частности, произведения крупных теоретиков в области контрразведки (А. С. Резанов, В. Г. Орлов, В. Н. Клембовский, Н. С. Батюшин, П. Ф. Рябиков, А. А. Звонарев и др.), не может охватить всех ракурсов и граней, которые уже раскрыли специалисты-историки отечественных спецслужб. И все-таки констатировать тот факт, что контрразведывательная история Первой мировой войны уже написана, было бы преждевременно. Своего скрупулезного исследователя по-прежнему ждет практический опыт многочисленных армейских контрразведывательных отделений (далее – КРО) на уровне штабов фронтов, военных округов на театрах военных действий, полевых армий и др. воинских соединений, а также частей, крепостей. За рамками научных изысканий осталась методология борьбы с иностранным (главным образом, германским и австрийским) шпионажем военного времени, отдельным аспектам которой и будет посвящена данная статья.

Подытоживая свою длительную архивно-поисковую и научно-познавательную работу в ряде федеральных и региональных архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Западной Сибири, а также накопленный историографический опыт, мы сформировали общее понимание об известных мерах контрразведывательного реагирования на проявления шпионажа (далее – МКРПШ), имевшихся в распоряжении командования действующей армии и ее КРО. Также были выявлены МКРПШ, не учтенные в трудах наших предшественников, которые нуждаются в дальнейшем изучении. Для достижения этой цели были обобщены и проанализированы впервые введенные в научный оборот архивные документы. Именно они смогли дать ответ на главный вопрос: какие приемы и способы борьбы с вражеской агентурой подтвердили свою эффективность, а от каких пришлось отказаться.

Предваряя дальнейшее повествование, процитируем мысль, прозвучавшую в одной из первых публикаций ведущего специалиста по истории отечественных спецслужб А. А. Здановича. Ссылаясь на воспоминания генерала для поручений при Главнокомандующем армиями Северного фронта генерал-майора Н. С. Батюшина, он писал: «...с началом войны (Первая мировая война. – В. З.) контрразведка..., была оставлена Главным управлением Генерального штаба на произвол судьбы» [8, с. 51]. Что это означало? Довоенный профессионально-управленческий «костяк» военной контрразведки не сохранился. Из 13-ти начальников, а в ряде случаев, и замначальников, возглавлявших в межвоенный период одиннадцать территориальных КРО и одно военно-регистрационное бюро, на руководящих должностях остались лишь единицы (прежде всего речь идет о Н. С. Батюшине, В. Г. Туркистанове, В. А. Ерандакове, В. М. Якубове, С. В. Мухомове, В. В. Сосновском, С. А. Соколове). Рядовые сотрудники были мобилизованы в действующую армию.

В обстановке нехватки опытных кадров военной контрразведки, а также недооценки ее места и роли в обеспечении собственной безопасности русских армий, что со всей трагичностью проявилось в ходе Восточно-Прусской операции и осенней кампании 1914 г. в Царстве Польском (немецкие радиоперехваты [13, с. 46, 92, 93]), а также февральских сражений 1915 г. в Мазурии (работа германских шпионов по дезинформации русских войск и по линии контрразведки [13, с. 107]), началось формирование армейских КРО (в составе разведотделений). Их начальникам и вверенному им личному составу, в большинстве случаев малочисленному и укомплектованному жандармскими офицерами и полицейскими чиновниками, предстояло выстраивать особую контрразведывательную тактику. В ее основу легли не только специальные военные знания, но и зарекомендовавшие себя ранее приемы и новшества из арсеналов общей и политической полиции (довоенный опыт), о результативности которых можно судить по предпринятым на Восточном фронте мерам контрразведывательного реагирования на проявления шпионажа. Подробнее остановимся на тех из них, которые не получили своего освещения в научной литературе, как то:

1. Фильтрационно-запретительные мероприятия, реализованные штабом 12-й армии Северного фронта в районе своей дислокации (ноябрь 1915 г.). В целях предупреждения проникновения шпионов в район армии был проведен комплекс следующих мероприятий. Войсковым частям было предложено усилить наблюдение за появлением на передовых позициях посторонних гражданских лиц, которых следовало задерживать и передавать для установления личностей на «специально организованные контрразведывательные посты» (фильтрационные пункты). Через эти кордоны должны были проходить и все беженцы, прибывавшие с временно оккупированных противником территорий. По замыслу армейского командования названные категории, а также вызывающие недоверие военнослужащие (т. е. не имеющие при себе документов, удостоверяющих личность, или неопознанные сослуживцами) должны были также передаваться для дальнейших разбирательств в КРО штаба 12-й армии, первоначальная численность служащих которого равнялась восьми сотрудникам.

Кроме того, с тем чтобы выявлять из общего потока местных жителей (беженцев) «чужих», а возможно, и агентов противника, к фильтрационным пунктам прикомандировывались сотрудники общей полиции (урядники и стражники). Также устанавливался строгий паспортный надзор за лицами, следующими через район армии на поездах и находящихся на железнодорожных станциях. Все задержанные в обязательном порядке проходили процедуру фотографирования. Но самая передовая мера заключалась в запрете пребывания в «семи-верстной полосе», прилегающей к линии боевого соприкосновения, лиц, «не принадлежащих к составу армии и учреждениям ее обслуживающим» [16, л. 272].

Значительное число названных МКРПШ штаба 12-й армии были успешно осуществлены. Среди архивных материалов находим упоминания о десятках задержаний сторожевыми постами, в том числе в январе 1916 г. латыша Криста Тилишкиса, который был завербован германским разведывательным бюро в Либаве. По результатам обыска были изъяты «флакон с жидкостью для писания секретных писем, 177 рублей денег..., пара коричневых носок, пропитанных раствором для писания писем... Сведения, собранные о русской армии и флоте, Тилишкис должен был направить по адресу: "Швеция Эберг и Горндал, Гельзинбург Петрову"» [17, л. 267]. Через месяц «около русских позиций» был пленен и другой немецкий шпион – Альфред Шмеддинг (февраль 1916 г.). При допросе он сознался, «что послан в наше (русское. – В. З.) расположение со шпионскими целями, что подтверждается обнаруженными у него по обыску вещами – наличные деньги 114 рублей 26 копеек, два карманных германских папиросника, пара носок, причем один из них пропитан секретными чернилами, и сетки для секретных сообщений...» [17, л. 351].

Наряду с этими и прочими аналогичными примерами задержаний на передовой, свидетельствующими не только о бдительности и зоркости военнослужащих 12-й армии, но и об их неукоснительном выполнении распоряжений командования, мы встретили и другие документальные факты. В январе 1916 г. в районе названной армии задержан неизвестный в форме военнослужащего, который назвался старшим унтер-офицером 143-го пехотного Дорогобужского полка Яном Лесневским. При проверке его показаний было установлено, что в списках штатного состава названного полка офицер по фамилии Лесневский не значился и личность его в полку никому неизвестна [17, л. 394]. Не числился в списочном составе своей воинской части и солдат 11-го Сибирского стрелкового полка Осип Степанович, задержанный без документов 13 августа 1917 г. «впереди наших (русских. – В. З.) проволочных заграждений» [18, л. 202].

В отличие от предпринятых командованием 12-й армии ряда МКРПШ, с реалистичностью которых трудно не согласиться, с нашей точки зрения, реализация на практике столь масштабной меры, как опрос всех заподозренных в шпионаже лиц, представлялась маловероятной. Во-первых, в поле зрения органов контрразведки мог попасть любой беженец из западных губерний. А это огромные и неорганизованные массы людей, гонимые страхом смерти и оккупации, голодом и разрухой, зверствами германских военнослужащих, которые летом 1915 г., а если быть точнее, то в первых числах августа, и до начала октября того же года (стабилизация линии боевого соприкосновения на Восточном фронте) устремились в центр России. По мнению генерала от инфантерии Ю. Н. Данилова, в эвакуации участвовало 4 млн. гражданских лиц [7, с. 31]. Во-вторых, контрразведка штаба 12-й армии, в силу своей малочисленности, не могла осуществлять своевременный, тщательный и повсеместный опрос десятков-сотен подозрительных лиц вдоль линии фронта, протяженностью в сотни километров.

2. Предотвращение разглашения военных сведений в Петрограде, поступающих туда с приездом военнослужащих из армий Северного фронта (декабрь 1915 – февраль 1916 г.). Начальник штаба Северного фронта генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич и вышеупо-

мянутый генерал-майор Н. С. Батюшин, обеспокоенные стремительно складывающейся практикой массовой утечки военно-значимых сведений (о дислокации войск, их боевых потерях, моральном духе и др.) посредством их доставления в Петроград военнослужащими-фронтниками, а также медицинским персоналом санитарных поездов, предложили организовать на вокзалах «петроградского узла» личный осмотр данных категорий приезжающих. Однако высказанная инициатива не встретила единодушия у начальника штаба Петроградского военного округа генерал-майора М. И. Тяжельникова ввиду отсутствия для этой цели в его распоряжении необходимого количества офицеров и унтер-офицеров [19, л. 159, 165].

В качестве альтернативы предлагалось досматривать всех военнослужащих (на предмет наличия у них не прошедших военное цензурирование писем и иных материалов) при их выезде за пределы районов, подконтрольных войскам 6-й и 12-й армий чинами полевых жандармских эскадронов. Однако «более целесообразной» мерой недопущения утечки военных (в том числе военно-секретных) сведений было признано «обращение к благоразумию и патриотизму самих офицеров», а также «привлечение их к ответственности за разглашение» [19, л. 166].

Среди архивных документов по теме данной статьи и опубликованных трудов по истории органов государственной безопасности Российской империи периода мировой войны нам не встретились свидетельства реализации вышеназванных предложений по линии отдела генерал-квартирмейстера (военно-цензурное и контрразведывательное отделения). Исключением, пожалуй, были распоряжение врио командующего 5-й армией генерал-лейтенанта Е. К. Миллера об обыске убывающих в тыл нижних чинов (на предмет обнаружения не прошедших цензуру писем) от 11 февраля 1916 г. и приказ по 12-й армии № 268 от 29 февраля 1916 г., в тексте которого командующий обращался с просьбой ко всем чинам армии «проникнуться осознанием необходимости сохранения военной тайны...» [19, л. 164, 167].

Разумеется, эта «утешительная» норма военного права не могла приостановить и тем более прекратить устную и письменную утечку военно-значимых сведений. Да и какие из них представляли военную тайну и подлежали уголовному наказанию, так и осталось за границами понимания.

3. Прослушивание и «перехват» важных телефонных разговоров на рижской телефонной станции (март – август 1916 г.). В Риге находилась центральная телефонная станция со штатом дежурных контролеров-чиновников (как правило, из числа интеллигентных лиц, знакомых с иностранными языками), в задачу которых входило прослушивание частных телефонных разговоров. Причем из множества диалогов личного характера (об интимных отношениях, о торговых делах, о дороговизне жизни и пр.) особое внимание обращалось на те из них, которые касались военной сферы. Телефонистам, в частности, удалось «перехватить» разговоры о том, «как легче добиться удостоверения на свободный доступ к траншеям» (29 марта 1916 г.), или «о важных документах и взрывчатых веществах» (13 июля 1916 г.), или «об обнаруженном на ул. Малой Невской, 10 большого пьянства офицеров с проститутками» (5 августа 1916 г.) [20, л. 200, 231, 286].

Противоправное содержание разговоров собеседников, их номера телефонов и адреса (реже имена), оформленные в виде выборок из записных книжек контролеров-чиновников, немедленно отправлялись в ближайшие отделения контрразведки (а нередко и в жандармские управления) для принятия действенных мер. Причем реагирование военных властей порой принимало характер нестандартных решений, идущих в разрез с привычным в профессии стереотипным мышлением, к примеру, о том, что проституция есть неотъемлемый элемент шпионажа. Так, в конце 1916 г., отклонив предложение о высылке проститутки Кристины Тарутис и Станиславы Адамчик из прифронтового Пскова, начальник разведывательного отделения штаба Северного фронта полковник В. Н. Чернышев писал: «...это еще не значит, что каждая проститутка – шпионка. У истории есть много примеров, когда проститутки оказывались более патриотичными, нежели почтенные матроны... Поэтому высылать только на основании того, что "они могут быть использованы в целях шпионажа", – это больше, чем размениваться на мелочи.

Весь ум, вся энергия, все внимание должны быть обращены на борьбу с системой шпионажа и главарями, попутно будет захватываться и низшая категория; преждевременные аресты и высылки среди этой последней – стрельба из пушки по воробьям...» [21, л. 124].

В тех же случаях, когда требовалась мгновенная реакция, так как продолжение телефонного общения представляло угрозу безопасности действующей армии, контролеры-чиновники имели право отключать телефонную связь. Именно так и поступил 25 августа 1916 г. в 5 час.

55 мин. дня контролер-чиновник рижской телефонной станции Липинский, когда в ходе диалога дважды «оборвал» ответ на вопрос о месте нахождения 124-й дивизии и в состав какого корпуса русской армии она входит? [20, л. 226].

4. Религиозное нравственно-патриотическое просвещение народных масс об опасности шпионажа (июнь 1916 г.). Главный начальник Двинского военного округа, изыскивая более эффективные средства борьбы со шпионажем, предлагал привлекать к этому делу православное духовенство. Однако его участие в процессе формирования у народа «истинного представления о шпионской деятельности врага» и «оценки участия в шпионской деятельности русских подданных с нравственно-патриотической точки зрения» штабное руководство Северного фронта признало неприемлемым [21, л. 33]. Во-первых, священнослужители, призванные вести проповеди в храмах только на религиозные темы, не имели права беседовать с прихожанами о мирских проблемах и, в частности, о сущности шпионажа и том неочевидном вреде, который он способен принести русской армии. Но, гипотетически, обсуждение этих вопросов могло быть вынесено и в общественные места. В таком случае действия духовных лиц явно противоречили бы действующему административному законодательству о собраниях и квалифицировались как правонарушения. Во-вторых, духовенство, в силу своей неосведомленности о проблемах шпионажа и инструментах борьбы с ним, вряд ли могло стать компетентным «рупором просвещения». И, в-третьих, широкие народные массы, в большинстве своем не представлявшие агентурновербовочного интереса для вражеских разведок, не могли оказаться в фокусе духовно-нравственного просвещения. В этом не было объективной целесообразности.

5. Учет сводок об иностранном шпионаже (февраль 1917 г.). В ходе архивно-поисковых усилий нам встретились сводки агентурных сведений об организации шпионажа в Австрии (позже – Австро-Венгрии) против России по данным КРО штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта за №№ 2 и 7 (далее – Сводка) [22, л. 2, 52]. Они представляли систематизированные и объемные сборники сведений по организации австрийского шпионажа с поименным перечислением десятков расконспирированных агентов и их визуальными характеристиками. В них также указывались адреса и персонал разведшкол (имя, возраст, национальность, приметы, профиль деятельности и др.), их задачи, а также приемы профессионального перевоплощения воспитанников-выпускников. Эти Сводки и подобные им документы, в том числе по изучению деятельности кайзеровской разведки, издавались с интервалом один раз в год и предназначались армейским КРО для обмена практическим опытом и совершенствования приемов и методов борьбы с иностранным шпионажем. Сводки были призваны наметить меры, способствующие «затруднению и прекращению действий неприятельских тайных организаций, а равно и отдельных лиц...» [22, л. 15], отмечал вышеназванный полковник В. Н. Чернышев.

Причем названные Сводки не поступали в подразделения жандармской полиции, контрразведывательные данные которых также предусматривали в большинстве случаев лишь внутриведомственный оборот (как до эвакуации жандармских управлений в центр России, так и после нее). Наглядным тому доказательством, к примеру, являются циркуляры начальника варшавского губернского жандармского управления своим подчиненным, содержащие информацию о приметах австрийских и немецких шпионов, заброшенных в тыл русской армии, а также действовавших против нее разведцентров германской армии в Лодзи, Пржедборже, Мехове, Влоцлавске и Петрокове (январь – март 1915 г.) [22, л. 6, 25, 27, 36, 43, 62]. Тем временем наличие у контрразведчиков этих и аналогичных сведений могло стать условием дополнения, уточнения и корректировки все тех же Сводок.

Складывавшаяся практика избирательного сотрудничества главных органов по борьбе со шпионажем, обусловленная опасением «утечки» оперативно-значимой информации (также по причине мнимого шпионажа), а возможно, наличием и корпоративно-этических предрасудков или межличностных предубеждений, профессиональной замкнутости, не могла позволить в полной мере реализовать потенциал Сводок и, следовательно, поднять результативность выявления шпионов и их пособников на более высокий уровень.

6. Принудительное выселение гражданского населения из прифронтовой полосы (осень 1917 г.). Судя по телеграмме начальника штаба Северного фронта от 23 октября 1917 г., командующий 12-й армии предлагал выселить жителей из прифронтовой полосы «на десять верст впереди нашего (русского. – В. З.) сторожевого охранения» [1, л. 183]. Столь жесткая мера реагирования была продиктована экстренной потребностью армии в обеспече-

нии эффективного стандарта своей безопасности. Ввиду малочисленности штата контрразведывательного пункта 28-го армейского корпуса не представлялось возможным предупредить и пресекать болтливость и откровенность русских солдат, могущих дать агентам противника, «которые безусловно скрываются среди местных жителей, ценные сведения» [1, л. 183]. Вместе с тем, полагаем, фактор возможной политической нелояльности жителей прифронтовой полосы также учитывался военными. В их памяти еще сохранялись факты измены Родине отдельными русскоподданными и, прежде всего, из числа немцев (немецкие колонисты и др.), которые, по утверждению генерала Э. фон-Людендорфа, «особенно из Прибалтийского края, хорошо приняли германские войска» [13, с. 156].

Об обоснованности выселения жителей в глубокий тыл говорил и полковник Генерального штаба П. Ф. Рябиков². В своей лекции от 21 апреля 1917 г. «Контр-разведка» он даже обращался к иностранному опыту: «В полосе близкой к расположению частей, все жители должны быть точно зарегистрированы *или даже выселены (в Германии последнее всегда применяется)* (курсив наш. – В. З.)...» [2, л. 4]. О строгом контрразведывательном режиме немцев, например, в оккупированном Царстве Польском знали и в КРО штаба Двинского военного округа. Согласно разведдонесению от агента «Писателя» от 13 июня 1917 г., польское население обязали поменять русские паспорта на немецкие образцы с фотографиями их владельцев, также ему запрещалось разговаривать с германскими солдатами и повсюду расклеивались объявления «Остерегайтесь шпионов» [23, л. 57].

И все же, несмотря на важность такой превентивной меры, как выселение из прифронтовой полосы, ее незамедлительному и безболезненному претворению в жизнь могла помешать стремительно ухудшавшаяся внутрироссийская политическая ситуация (возникновение экзистенциальных угроз). Начиная с 1916 г., одна из основных угроз заключалась в необратимом процессе разложения тыловых и фронтовых воинских частей. Как верно подметил в своих мемуарах генерал-лейтенант Н. Н. Головин, быстрее всего шел процесс «разложения в солдатских массах Северного фронта, в непосредственном тылу которого находился главный очаг революции – Петроград. Второе место по своей "разлагаемости" занимали армии нашего (русского. – В. З.) Западного фронта, в тылу которого находился второй революционный центр – Москва» [6, с. 456].

В условиях последовавших перемен – стремительная радикализация и криминализация широких народных масс, февральский и октябрьский государственные перевороты и формирование новых органов центральной и местной политической власти – прибегать к столь радикальной и непопулярной среди населения мере, как выдворение, было попросту небезопасно. Возможно, в том числе и по этой причине руководство КРО управления генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта в своем ответном письме отклонило соответствующее предложение.

7. Контрдиверсионное информирование (август 1917 г.). Как видно из циркуляра начальника КРО штаба главнокомандующего Кавказским военным округом от 11 августа 1917 г., адресованного штабам Кавказского военного округа, Кавказской армии, 7-го отдельного Кавказского армейского корпуса и 1-го отдельного Кавказского кавалерийского корпуса, одной из главных задач агентов противника являлась диверсионная деятельность (приводятся примеры уничтожения путем поджогов в городах Энзели и Тифлисе 2500 пудов бензина, 150 пудов машинного масла и 9 боевых аэропланов) [23, л. 68]. В качестве реакции военных властей на произошедшее было предложено усилить меры противопожарного реагирования и пропускного контроля на военных заводах, а также контрразведывательного контроля за их рабочими и служащими на предмет вероятной причастности к диверсионным актам.

Циркуляр вышеназванного начальника КРО был распространен лишь в частях Кавказского военного округа, хотя столь важные сведения были бы полезны и для КРО других фронтов, округов, полевых армий и крепостей. Что же касается обмена данными о диверсионных атаках с жандармской полицией, то свидетельств наличия такой переписки нами не обнаружено. Жандармы также не спешили информировать военных, к примеру, о намерениях немецких шпионов пробраться весной 1915 г. в Варшаву и отравить пищу в офицерской кухне или же взорвать мосты близ Белостока и в Варшаве [1, л. 62, 64]. Не узнали контрразведчики и об имевшихся в Департаменте полиции МВД России данных о стремлении германцев к началу 1917 г. «...организовать покушения на наши (русские. – В. З.) военные заводы артиллерийского снабжения, суда и важнейшие железнодорожные сооружения, в особенности, на большие мосты» [3, л. 7].

² С осени 1915 г. Рябиков П. Ф. возглавлял разведывательное отделение штаба 6-й армии Северного фронта.

Возможной причиной профессиональной закрытости было желание жандармско-полицейского начальства самостоятельно реализовывать полученную оперативную информацию и, в случае успеха, претендовать на получение наград, чинов и других привилегий.

Как видно из содержания статьи, ряд армейских генералов и отдельные контрразведывательные подразделения Северного фронта проделали титанический труд, направленный на профилактику, предупреждение и пресечение германского и австрийского шпионажа. Каков же был конечный результат? Из семи изложенных выше МКРПШ, пожалуй, только одна была реализована в полном объеме – выявление скрытых угроз военной безопасности путем прослушивания телефонных разговоров и оповещение о подозрительных лицах органов контрразведки. Меньшая часть МКРПШ была осуществлена лишь фрагментарно. Речь идет, конечно же, об усилении бдительности военнотружущих 12-й армии на переднем крае, следствием чего стали неоднократные задержания потенциальных правонарушителей. Также важную, но неопределяющую роль сыграло внутриведомственное (среди разведывательных/контрразведывательных органов) информирование. Ежегодно формируемые и уникальные в своем роде Сводки, как, собственно, и донесения по линии обмена контрдиверсионными данными, а вместе с ними сведения о шпионаже от жандармских управлений, так и не стали достоянием всех заинтересованных силовых структур. Как и до войны, КРО не спешили делиться своими агентурными наработками с Департаментом полиции МВД, который, в свою очередь, занимался выявлением шпионов по остаточному принципу, а вот разоблачение революционеров считал первоочередной задачей. Остальные же меры были либо «мертво-рожденными», как, предположим, религиозное нравственно-патриотическое просвещение народа, либо неосуществимыми.

Почему большинство МКРПШ не получилось внедрить в практику обеспечения военной безопасности? Одна из причин видится в том, что подразделения контрразведки и, в частности, штаб 12-й армии, не располагали достаточным числом компетентных и опытных сотрудников, комплектовать которых, по сути, было неоткуда. Кадровое русское офицерство понесло невосполнимые потери в кровопролитных сражениях в Восточно-Прусской операции 1914 г., в ходе Великого отступления и кампании 1916 г. На смену погибшим, которые имели военное образование, боевой опыт и мотивацию на победу, а также, чуть позже, научились воевать по-новому («брусиловский прорыв»), приходили мобилизованные, в том числе немалая часть тех, кто не желал идти в бой, обученные «на скорую руку», «не обстрелянные», распропагандированные и уж тем более не пригодные в большинстве своем к особому роду деятельности – борьбе с неочевидными угрозами. При этом потребность в контрразведчиках ощущалась не только на фронте (например, для работы на фильтрационных пунктах), но и в тылу, где следовало пресекать случаи разглашения военных сведений, особенно в столице России.

Следующая причина неудач видится в отсутствии согласованности между Военным министерством и Департаментом полиции МВД. После оккупации Царства Польского и некоторых других российских территорий, функция обеспечения безопасности действующей армии была окончательно передана военной контрразведке. Ее органы действовали в условиях конспирации, а их сотрудничество с подразделениями политической полиции (обмен агентурными донесениями) носило лишь слабовыраженный характер. Со временем, когда в июле 1915 г. началось отступление русских армий на восток, к межведомственному недоверию добавилась и шпиономания. Гипертрофированные представления об измене, которая мерещилась везде – и в войсках, и в тылу, а также в высших политических и монархических кругах, – препятствовали выстраиванию взаимовыгодных отношений со «смежниками» из полицейского ведомства, в частности, по линии агентурной работы.

И последняя причина. По мере приближения к февралю и октябрю 1917 г. политическая обстановка накалялась не только в крупных городах страны, и в первую очередь, в Петрограде и Москве, но и на линии соприкосновения воюющих сторон. Поступательный и всеобъемлющий характер пролетаризации низших сословий, слом государственности, дезорганизация и дискредитация армии, антивоенные настроения поставили армейские КРО вне закона, лишив их властных полномочий и авторитета в народе и солдатской среде. Совокупность названных процессов не позволила контрразведке проводить мероприятия по пресечению шпионажа против действующей армии, в том числе под прикрытием населения, проживающего в районе ее дислокации.

И в заключение скажем, что, несмотря на грандиозный характер организаторских усилий и проектируемых мер, большая их часть была предпринята «вхолостую». А те МКРПШ,

которые показали свою эффективность, удалось реализовать лишь в масштабах Северного фронта. Причем из пяти его армий только 5-я (частично), 6-я и 12-я были задействованы в соответствующих мероприятиях против шпионов. Свидетельства о распространении названного опыта в частях 1-й и 2-й армий обнаружить не представилось возможным.

Список литературы

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1662. Оп. 1. Д. 146.
2. ГАРФ. Ф. Р 5793. Оп. 1. Д. 69.
3. ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 169.
4. Гиленсен В. М. Вальтер Николаи – глава германской военной разведки во время первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 123–130.
5. Гиленсен В. М. Вальтер Николаи: человек-невидимка // Служба безопасности: новости разведки и контрразведки. 1998. № 5–6. С. 30–34.
6. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2014. 544 с.
7. Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2006. 480 с.
8. Зданович А. А. Как реконструировали контрразведку в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 50–58.
9. Зданович А. А. Организационное строительство отечественной военной контрразведки: 1914–1920 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. 232 с.
10. Кирмель Н. С. Российская контрразведка в годы Первой мировой войны. М., 2022. 400 с.
11. Лубянка. Из истории отечественной контрразведки / В. С. Христофоров, Я. Ф. Погоний, В. К. Виноградов и др. 3-е изд., доп. М., 2007. 368 с.
12. Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки / Я. Ф. Погоний, В. К. Виноградов, А. А. Зданович и др. М., 1999. 360 с.
13. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / пер. с нем. А. А. Свечина, Г. П. Бляблина. М., 2024. 655 с.
14. Перегудова З. И. Политический сыск в России, 1880–1917 гг.: общероссийский и сибирский аспекты : дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 220 с.
15. Ратников Д. М. Разведка и контрразведка в Российской империи. М., 2005. 289 с.
16. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2031. Оп. 4. Д. 582.
17. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 491.
18. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1397.
19. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 93.
20. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 897.
21. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 300.
22. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 609.
23. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1349.
24. Таратута Ж. В., Зданович А. А. Таинственный шеф Мата Хари. Секретное досье КГБ № 21152. М., 2000. 352 с.

Counterintelligence response measures during the First World War

Zverev Vadim Olegovich

Doctor of Historical Sciences, associate professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy in the Activities of Internal Affairs Bodies, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Russia, Omsk. Email: zverevoma@mail.ru

Abstract. The article reveals a set of counterintelligence measures to respond to espionage (German and Austrian espionage) that were supposed to be implemented in the armies of the Northern Front. The relevance of the study is that the army counterintelligence agencies attempted to go beyond the generally accepted ideas about counterintelligence tools (secret employees, spies, "black offices") and to counter the enemy espionage system with original measures of struggle. The reconstructed military-historical events were based on extensive archival material, which indicates the scientific novelty of the article. Its goal is to systematize and chronologize measures to combat enemy agents, reveal their essence and determine the effectiveness in ensuring the protection of the security interests of the active army. The subject of the study is the countermeasures planned by the counterintelligence agencies of the armies of the Northern Front, namely: checking refugees for involvement in high treason, preventing the leakage of military information in Petrograd, the secret activities of the Riga telephone station, religious moral and patriotic education of the masses about the dangers of espionage, dissemination of reports on foreign espionage among security agencies, forced eviction of civilians from the frontline zone, counter-sabotage information. The result of the study was the determination of the degree of effectiveness of counterintelligence response measures. The author comes to the conclusion that most of them

remained on paper due to the small number and professional and personnel inadequacy of military counterintelligence, the failure of partnership relations between counterintelligence officers and the political police, as well as the decline in the authority of Russia's main special service among its army, state apparatus and society in 1917. For the same reasons, counterintelligence response measures took on a proactive nature and were implemented only in individual armies of the Northern Front. The results of the study are applicable in studying the history of special services and internal affairs agencies of the Russian Empire.

Keywords: counterintelligence, espionage, agents, secret officers, Russian army.

References

1. SARF (State Archives of the Russian Federation). F. 1662. Inv. 1. File. 146.
2. SARF. F. P 5793. Inv. 1. File. 69.
3. SARF. F. 1662. Inv. 1. File. 169.
4. Gilensen V. M. *Val'ter Nikolai-glava germanskoj voennoj razvedki vo vremja pervoj mirovoj vojny* [Walter Nicolai-head of German military intelligence during World War I] // *Novaja i novejsaja istorija* – Modern and contemporary history. 1998. No. 2. Pp. 123–130.
5. Gilensen V. M. *Val'ter Nikolai: chelovek-nevidimka* [Walter Nicolai: The Invisible Man] // *Sluzhba bezopasnosti: novosti razvedki i kontrrazvedki*-Security Service: Intelligence and Counterintelligence News. 1998. No. 5–6. Pp. 30–34.
6. Golovin N. N. *Rossija v Pervoj mirovoj vojne* [Russia in World War I]. M. 2014. 544 p.
7. Danilov Ju. N. *Velikij knjaz' Nikolaj Nikolaevich* [Grand Duke Nikolai Nikolayevich]. M. 2006. 480 p.
8. Zdanovich A. A. *Kak rekonstruirovali kontrrazvedku v 1917 godu* [How counterintelligence was reconstructed in 1917] // *Voenno-istoricheskij zhurnal*-Military History Journal. 1998. No. 3. Pp. 50–58.
9. Zdanovich A. A. *Organizacionnoe stroitel'stvo otechestvennoj voennoj kontrrazvedki: 1914–1920 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Organizational development of domestic military counterintelligence: 1914–1920 : diss. ... PhD in Historical Sciences]. M. 2003. 232 p.
10. Kirmel' N. S. *Rossijskaja kontrrazvedka v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian counterintelligence during the First World War]. M. 2022. 400 p.
11. Lubyanka. *Iz istorii otechestvennoj kontrrazvedki* [Lubyanka. From the history of domestic counterintelligence] / V. S. Khristoforov, Ya. F. Pogony, V. K. Vinogradov and others. 3-e supplemented, ed. M. 2007. 368 p.
12. Lubyanka, 2. *Iz istorii otechestvennoj kontrrazvedki* [Lubyanka, 2. From the history of domestic counterintelligence] / J. F. Pogonij, V. K. Vinogradov, A. A. Zdanovich. M. 1999. 360 p.
13. Ljudendorf Je. *Moi vospominaniya o vojne 1914–1918 gg.* [My memories of the war of 1914–1918] / transl. from German by A. A. Svechina, G. P. Blyablina. M. 2024. 655 p.
14. Peregudova Z. I. *Politicheskij sysk v Rossii, 1880–1917 gg.: obshherossijskij i sibirskij aspekty : dis. ... d-ra ist. nauk* [Political Investigation in Russia, 1880–1917: All-Russian and Siberian Aspects : diss. ... Doctor of Historical Sciences]. M. 2000. 220 p.
15. Ratnikov D. M. *Razvedka i kontrrazvedka v Rossijskoj imperii* [Intelligence and counterintelligence in the Russian Empire]. M. 2005. 289 p.
16. RSMHA (Russian State Military Historical Archive). F. 2031. Inv. 4. File. 582.
17. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 491.
18. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 1397.
19. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 93.
20. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 897.
21. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 300.
22. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 609.
23. RSMHA. F. 2031. Inv. 4. File. 1349.
24. Taratuta Zh. V., Zdanovich A. A. *Tainstvennyj shef Mata Hari. Sekretnoe dos'e KGB No. 21152* [The Mysterious Chief Mata Hari. Secret KGB File No. 21152]. M. 2000. 352 p.

Поступила в редакцию: 02.10.2024

Принята к публикации: 27.03.2025